

4014 июня 1981 года

ОНИ очень разные — эти женщины. И немудрено. Одна из них — королева Гертруда из Венгрии далекого средневековья; другая — русская дворянка, жена крупного государственного чиновника, всем известная Анна Каренина; третья — наша современница, молдавская крестьянка Василица.

Я вглядываюсь в их лица. Суровая, надменная правительница, чуть опущенные уголки губ, прищуренные глазки, в которых бьется злобный огонь неуголенной жажды власти.

Трепетная, немного рассеянная Анна, с мягкой улыбкой, с открытым взором, полным удивления от внезапно пришедшего прекрасного непреодолимого чувства.

Повязанная простым платком с нехитрой строчкой узора, с морщинками усталости, начинающая стареть Василица, добрая, отзывчивая, мудрая, напряженно слушающая мир, чувствующая все, что вокруг происходит. Она смотрит куда-то вдаль, пряча горечь и тоску по украденному войной счастью, ждет, надеется...

ВЕЧЕР за вечером проходят передо мной сложные, трудные, противоречивые судьбы этих женщин. Я смотрю на них из темноты зрительного зала то негодуя, то радуясь, то грустя и мучаясь вечной загадкой тайна не постижимой женской души.

...Острая неприязнь охватывает к высохшей от жестокости Гертруде, сжигаемой самым страшным из человеческих пороков — страстью повелевать. Став женой короля Венгрии, честолюбивая иноземка требует от своего слабавольного мужа завоевания новых земель. Ей мерещится могущество венгерских королей, покоривших Европу. А пока делятся воинские походы, надменная меранка управляет государством сама. Ненавидя эту землю, ее волюнтеристичный народ, она заполонила страну своими соотечественниками, раздала им поместья, позволила безнаказанно грабить и разорять крестьян, творить неопишущие бесчинства. Стоном стонет венгерская земля. Но что ее муки циничной королевы!

Какая бездна тщеславия в этой худенькой чопорной фигурке! Оно иссушило и опустошило ее, не оставив ничего человеческого. Лишь на мгновение овладевает ею страх, когда правительница развратного брата Отто начинают угрожать потерей власти. Всего одно мгновение — и вместо величавой повелительницы мечется по сцене одинокая, жалкая женщина. Но стремление властвовать побеждает эту минутную слабость. Вновь на сцене интриганка, не останавливающаяся ни перед чем в борьбе за корону. И даже, проиграв битву, с кинжалом в груди, она страдает лишь оттого, что умирает «как все, а не на троне».

Спектакль еще продолжается. Возвращается король, у гроба своей супруги ведет он дознание, а я, наблюдая за происходящим, думаю об одержимой властолюбием женщине и почему-то вспоминаю свое детство, нашу соседку, всегда мрачную и угрюмую; ее большое семейство, которое она держала в страхе; ее калышек-пасынков, тайком

В Москве на сцене Государственного академического Малого театра СССР продолжает свои гастроли областной театр драмы им. А. В. Луначарского. Шесть спектаклей показывают москвичам кузбасские артисты. И в трех из них — в «Банк-бане», «Анне Карениной», «Дарю небо и землю» — в главных ролях народная артистка республики Валентина Литвинова.

приходивших к нам в гости и цепенеющих, как только слышались на лестнице шаги махачи... А потом, после спектакля, размышляю о волшебстве театра, чудесным образом соединяющем в нашем сознании образы далекой поры с воспоминаниями детства, сегодняшними впечатлениями, мыслями о чуждых женской природе жестокости, безмерном тщеславии, безрассудном честолюбии, о неестественности этих опасных качеств в человеке.

ПРОСТУЧАЛА легко каблучками по проходу между театральными кресел изящная женщина в длинном платье конца прошлого века, на секунду задержалась на ступеньке, встретившись взглядом с идущим навстречу военным, и в ее широко распахнутых глазах из-под ажурной вуали я прочитал изумление, восторг и страх. Первая встреча Анны Карениной с Вронским, как искра воспламенившая неугасимую любовь, избавить от которой могла только смерть.

С кем бы ни встречалась Анна, с кем бы ни говорила — с братом, его женой, со светскими дамами, со своим мужем — ее не покидает это новое, нежданно возникшее ощущение приподнятости, ка-

кой-то внутренней радости, одухотворенности. В ней нет порывов страсти, бурных излияний чувств, которые я ждал увидеть, ибо так представлял себе героиню Толстого, когда читал роман.

Это совсем другая Анна, вначале насторожившая, но затем победившая меня своей непреклонностью, верностью чистоте собственной любви. С первого момента, когда она увидела Вронского, в ней вместе с любовью возникает смутное предчувствие будущего трагического исхода. Оно растет, крепнет, обретает зримый облик из дурного сна — бородатого мужика, бормочущего по-французски. Этот мужик преследует Анну, как бы предостерегает ее. Но волна захватившего чувства, которого так долго ждала томившаяся в безысходной повседневности душа, несет ее неодолимо, и она даже не пытается остановиться. Один лишь сын, ее Сережа, вызывает острую боль, жалость, смятение. Но нет в мире силы, способной противостоять ее высокому предназначению. И Анна, хрупкая, неброская в своей красоте, стойко и смело идет по тернистому пути своей трагической любви.

Я вспоминаю прошедший спектакль и думаю об отваге,

о той отваге, которой должна обладать женщина, идя навстречу своему чувству, о достоинстве, которое нужно иметь, чтобы этому чувству не изменить, о невероятной сложности человеческих отношений. На ум приходят десятки человеческих судеб, неповторимых и в чем-то похожих.

Думаю о Толстом, о бездонности его романа, об Анне, которая у каждого читателя своя, и о той, которую увидел в театре. Да разве расскажешь обо всем, что навеяно спектаклем!

В ДОМ солдатской вдовы-молдаванки, в убогую и нарядную героиню, в ее «каса маре», долго ждавшую после войны и так и не дождавшуюся счастья, вечно приходит парень, красавец Павэлаке. Приглянувшись ему Василица, да и ей он люб, правда, молод, не намного старше ее сына, но не в силах совладать она со своими неразрешенными чувствами. Пусть сплетничают соседи, пусть гудит село! — у нее хватит сил вынести это, не хочет и не может она отказаться от запоздалой любви.

Стольб около дома обязан длинным полотенцем. По давнему молдавскому обычаю, когда к невесте приходит жених, просит руки и сердца, в знак согласия невеста выносит вышитое полотенце. На гершушку столба надето колесо от телеги, на колесе — гнездо. В таких живут аисты. Прилетят ли они сюда, оживет ли гнездо?

Стоит у столба в своем скромном наряде Василица и думает горькую думу. Тянувшиеся чередой годы, как проклятая свекровь, стали между ней и Павэлаке. Есть в мире свой порядок, и нельзя его нарушать. Иначе что же останется святым? Что скажет она сыну Ариону, возвращающемуся из армии? Нет, не ей суждено танцевать периницу — задорный свадебный танец — в этой красиво убранной «каса маре». Материнская любовь не может уступить страсти к возлюбленному. Как ни тяжело, но отталкивает вдова свое чересчур поздно пришедшее счастье.

Сколько достоинства и стойкости в этой простой крестьянке с круглым, чуть скупатым миловидным лицом, натруженными руками, когда она безоглядно отдается зову своего сердца и когда, осознав несбыточность своих надежд, непреклонно выпроваживает из дома своего любимого.

Еще одна судьба, такая необычная, трогательная, щемлящая, такая непохожая на те, о которых я рассказывал. И в то же время есть в этих разных характерах нечто общее, то, что заставляет думать не просто о персонажах из абсолютно разных эпох, а о том, что волнует в них сейчас, наводит на размышления о веч-

ных свойствах женской души, таких бесконечно многообразных и таких повторяющихся, таких исторически далеких, таких сегодняшних и близких.

Штрихи к творческому портрету ЕЁ ГЕРОИННИ

АКТРИСА Валентина Литвинова, сыграв роли Гертруды, Анны Карениной и Василицы, привела своих героинь в день нынешний, наделила их своим живым сердцем, своим ощущением и пониманием.

Если у художника есть холст, краски, кисти, то материал актера — он сам. И все, что выстрадано автором, придумано режиссером, актер должен через себя принести зрителю.

Артисты, как и художники, бывают разные. Одни любят сочный мазок и буйство красок, другие — мягкость колорита и акварельную прозрачность письма, третьи — дымку пастельного карандаша и строгость графических линий. Литвиновой ближе последнее. Очень созвучная времени сдержанная манера, тонкое чувство такта позволяют актрисе, пробудив воображение зрителя, дать ему свободу, привести к раздумьям о себе, о том, что его тревожит.

Народная артистка республики... Это высокое звание ко многому обязывает. Роли — и те, что сыграны, и те, что пока репетируются, — это неустанный, каждодневный труд. Владея актерским ремеслом, обладая большим профессиональным опытом, она не гордится взять с полочки уже известные, хорошо отработанные приемы, а стремится к каждой очередной работе подойти как бы заново, найти то, что присуще только этому образу.

Литвинову прежде всего волнует вопрос, во имя чего выйдет она на сцену в этой роли. Стараясь постигнуть смысл будущего образа, ту его сокровенную сердцевинку, которая затронет зрительный зал, актриса приходит на репетиции и тогда, когда ее не вызывают, когда идут чужие сцены, и пытливо вглядывается в процесс работы. Ведь смысл и суть роли неотрывны от образа всего спектакля, от всего актерского ансамбля. Порой режиссуре с ней бывает нелегко, порой она упряма, пока не найдет, не ощутит того единственного момента, который и направит роль по верному руслу.

Гражданский темперамент Валентины Алексеевны Литвиновой находит свое выражение не только в сценических созданиях. Она часто встречается со зрителями в целях предпринятых и аудиторных учебных заведений, ведет огромную работу в областном отделении Всероссийского театрального общества, председателем которого является. Актриса всегда в гуще повседневности. И это не просто дань необходимости вести общественную работу, а ее настоящая потребность. Ведь не зная жизни, в которой живешь, не зная тех, ради кого работаешь, ты не сумеешь наполнить свои роли тем острым ощущением сопричастности движению времени, которое всегда присуще творчеству народной артистки.

И. БЕИЛИН

НА СНИМКЕ: народная артистка РСФСР В. А. Литвинова. Фото В. Грызыхина. г. Кемерово.